

[В. САМОСОЗНАНИЕ]

IV. ИСТИНА ДОСТОВЕРНОСТИ СЕБЯ САМОГО

В рассмотренных до сих пор способах достоверности истинное для сознания есть нечто иное, нежели само сознание. Но понятие этого истинного исчезает в опыте о нем; напротив, оказывается, что предмет в том виде, в котором он был непосредственно *в себе* – сущее чувственной достоверности, конкретная вещь восприятия, сила рассудка – не есть поистине, а это “в себе” оказывается способом, каким предмет есть только для некоторого “иного”; понятие о нем снимается в действительном предмете, или: первое непосредственное представление [снимается] в опыте; и достоверность была потеряна в истине. Но теперь возникло то, что не имело места в этих прежних отношениях, а именно достоверность, которая равна своей истине, ибо для достоверности предмет ее есть она сама, а для сознания истинное есть само сознание. Правда, тут есть и некоторое инобытие; сознание именно различает, но оно различает такое инобытие, которое для него в то же время есть нечто такое, что не различено. Если мы назовем *понятием* движение знания, а *предметом* – знание как покоящееся единство или “я”, то мы увидим, что не только для нас, но для самого знания предмет соответствует понятию. – Или иначе, если *понятием* называется то, что есть предмет *в себе*, а предметом – то, что есть он как *предмет* или что есть он *для некоторого* “иного”, то ясно, что в-себе-бытие и для-некоторого-иного-бытие есть одно и то же; ибо в-себе[-бытие] есть сознание; но оно точно так же есть и то, *для чего* есть некоторое “иное” (в-себе[-бытие]); и для сознания в-себе[-бытие] предмета и бытие его для некоторого “иного” есть одно и то же; “я” есть содержание соотношения и само соотношение; оно есть оно само по отношению к некоторому “иному” и вместе с тем оно выходит за пределы этого “иного”, которое для него точно так же есть только оно само.

[1. С а м о с о з н а н и е в с е б е.] – Итак, с самосознанием мы вступаем теперь в родное ему царство истины. Посмотрим, в каком виде прежде всего выступает форма самосознания. Если мы рассмотрим эту новую форму знания – знание о себе самом, по отношению к предшественнику – к знанию о некотором “ином”, то это последнее знание, правда, исчезло, но его моменты в то же время так же сохранились; и потеря состоит в том, что они здесь такие, какие они суть *в себе*. *Бытие* мнения, *единичность* и противоположная ей *всеобщность* восприятия, так же как *пустое внутреннее* рассудка, суть теперь не в качестве сущностей, а в качестве моментов самосознания, т.е. абстракций или различий, которые в то же время *для* самого сознания ничтожны или суть не

различия, а полностью исчезающие сущности. Таким образом, утерян, по-видимому, только сам главный момент, т.е. *простое самостоятельное существование* для сознания. Но на деле самосознание есть рефлексия из бытия чувственного и воспринимаемого мира и по существу есть возвращение из *инобытия*. Как самосознание оно есть движение; но так как оно различает от себя *только себя само* как себя само, то для него различие *непосредственно снято* как некоторое инобытие; различие не *есть*, и *самосознание* есть только лишенная движения тавтология: я есмь я⁷⁹; так как различие для него не имеет также формы *бытия*, то оно не есть самосознание. Оно, следовательно, есть для себя инобытие в качестве *некоторого бытия* или в качестве *различенного момента*; но оно есть для себя также единство себя самого с этим различием как *второй различенный* момент. Обладая названным первым моментом, самосознание выступает как *сознание*, и для него сохранен весь простор чувственного мира, но в то же время – лишь в соотношении со вторым моментом – с единством самосознания с самим собою; и это единство есть для самосознания вместе с тем некоторая устойчивость, которая, однако, есть только *явление* или различие, не имеющее *в себе* бытия. Но эта противоположность его явления и его истины имеет своей сущностью только истину, а именно единство самосознания с самим собой; это единство должно стать для самосознания существенным; это значит, что самосознание есть вообще *вождеделение*. Сознание как самосознание имеет отныне двойной предмет: один – непосредственный, предмет чувственной достоверности и воспринимания, который, однако, *для самосознания* отличается *характером негативного*, и второй – именно *само себя*, который есть истинная сущность и прежде всего имеется налицо только лишь в противоположности первому. Самосознание выступает здесь как движение, в котором эта противоположность снимается и становится для него равенством его самого с собой.

[2. Ж и з н ь.] – Но предмет, который для самосознания есть негативное, с своей стороны *для нас* или *в себе* точно так же ушел обратно в себя, как и сознание, с другой стороны. Благодаря этой рефлексии в себя он стал *жизнью*. То, что самосознание различает от себя *как сущее*, содержит в себе также, поскольку оно установлено как сущее, не только способ чувственной достоверности и восприятия, но оно есть рефлексированное в себя бытие, и предмет непосредственного вождеделения есть нечто *живое*. Ибо в-себе[-бытие] или *всеобщий* результат отношения рассудка к “внутреннему” вещей есть различение того, что не подлежит различению, или единство различенного. Но это единство есть, как мы видели, в такой же мере его отталкивание от себя самого; и это понятие *раздваивается* на противоположность самосознания и жизни: первое есть единство, *для которого* имеется бесконечное единство различий; а вторая *есть* только само это единство, так что оно не есть в то же время *для себя самого*. Следовательно, сколь самостоятельно сознание, столь же самостоятелен *в себе* его предмет. Самосознание, которое просто есть *для себя* и непосредственно характеризует свой предмет как негативное или которое прежде

всего есть *вождеделение*, благодаря этому скорее познаёт на опыте самостоятельность предмета.

Определение жизни, как оно вытекает из понятия или общего результата, с которым мы вступаем в эту сферу, достаточно для того, чтобы характеризовать жизнь без дальнейшего развития ее природы из этого понятия; ее круг замыкается в следующих моментах. *Сущность* есть бесконечность как *снятость* всех различий, чистое движение вокруг оси, покой самой бесконечности как абсолютно непокойной бесконечности, сама *самостоятельность*, в которой растворены различия движения, простая сущность времени, которая в этом равенстве самой себе имеет чистую форму пространства. Но *различия* суть в этой *простой общей* среде так же в качестве *различий*, ибо эта всеобщая текучесть обладает своей негативной природой, только будучи *снятием* их; но она не может снять то, что различено, если последнее не обладает устойчивым существованием. Именно эта текучесть как равная самой себе самостоятельность сама есть *устойчивое существование* или *субстанция* различий, в которой они, следовательно, суть в качестве различных членов и *для-себя-сущих* частей. *Бытие* уже не имеет значения *абстракции бытия*, и их чистая существенность не имеет значения *абстракции всеобщности*; их бытие есть именно указанная простая текучая субстанция чистого движения внутри самого себя. Но *различия* этих членов *между собой как различие* не состоит вообще ни в какой иной *определенности*, кроме как в определенности моментов бесконечности или самого чистого движения.

Самостоятельные члены суть *для себя*; но это *для-себя-бытие* есть скорее столь же *непосредственно* их рефлексия в единство, как это единство есть раздвоение на самостоятельные образования (Gestalten). Единство раздвоено, потому что оно есть абсолютно негативное или бесконечное единство; и так как *оно* есть *устойчивое существование*, то и различие обладает самостоятельностью лишь *в нем*. Эта самостоятельность образования предстает как нечто *определенное, для "иного"*, ибо она есть нечто раздвоенное; и поскольку *снятие* раздвоения совершается благодаря некоторому "иному". Но в такой же мере снятие присуще и самому образованию, ибо именно указанная текучесть есть субстанция самостоятельных образований; но эта субстанция бесконечна; образование поэтому в своем устойчивом существовании само есть раздвоение или снятие своего для-себя-бытия.

Если мы более тщательно различим содержащиеся здесь моменты, то увидим, что в качестве *первого* момента мы имеем *устойчивое существование самостоятельных* образований или подавление того, что есть различие в себе, которое в том именно и состоит, чтобы не быть в себе и не иметь устойчивого существования. *Второй же* момент состоит в *подчинении* указанного устойчивого существования бесконечности различия. В первом моменте имеется устойчиво существующее образование: как *для-себя-сущая* или как бесконечная в своей определенности субстанция оно восстает против *всеобщей* субстанции, отвер-

гает эту текучесть и непрерывную с ней связь и утверждает себя не растворенным в этом всеобщем, а, напротив, сохраняющимся благодаря обособлению от этой своей неорганической природы и поглощению ее. Жизнь в общей текучей среде, *спокойное* развертывание формообразования именно благодаря этому становится движением этой природы или жизнью как *процессом*. Простая всеобщая текучесть есть *в-себе* [-бытие], а различие образований – “*иное*”. Но эта текучесть сама становится благодаря этому различию “*иным*”; ибо теперь она есть *для различия*, которое само есть в себе и для себя и потому есть бесконечное движение, коим поглощается указанная покоящаяся среда, – жизнь как *живое*. – Но это *перевертывание* (Verkehrung) есть поэтому опять-таки *перевернутость* (Verkehrtheit) *в себе самой*; то, что поглощается, есть сущность: индивидуальность, сохраняющаяся за счет всеобщего и сообщающая себе чувство своего единства с самой собой, именно этим снимает *свою противоположность “иному”*, *благодаря коей она есть для себя*; *единство* с самой собой, которое она себе сообщает, есть как раз *текучесть* различий или *всеобщее растворение*. Но и обратно, снятие индивидуального существования есть точно так же и порождение его. Ибо так как *сущность* индивидуальной формы – всеобщая жизнь – и для-себя-сущее есть в себе простая субстанция, то она, устанавливая внутри себя “*иное*”, снимает эту свою *простоту* или свою сущность, т.е. она раздваивает эту простоту, и это раздваивание текучести, лишенной различия, и есть утверждение индивидуальности. Простая субстанция жизни есть, следовательно, раздвоение ее самой на формообразования и в то же время растворение этих устойчивых различий; а растворение раздвоения есть в такой же мере раздваивание или некоторое членение. Таким образом, обе стороны всего движения, которые были различены, а именно образование форм, спокойно развертывавшихся одна из другой в общей среде самостоятельности, и процесс жизни совмещаются; последний в такой же мере есть образование формы, как он есть и снятие ее; а первое, образование формы, в такой же мере есть некоторое расчленение. Текучая стихия сама есть только *абстракция* сущности, или: она *действительна* только как форма; а то обстоятельство, что она расчленяется, есть в свою очередь раздваивание расчлененного или процесс растворения его. Весь этот круговорот составляет жизнь, – не то, что провозглашается прежде всего – непосредственная непрерывность и непроницаемость ее сущности, не устойчиво существующее формообразование и для-себя-сущее дискретное, не чистый процесс его и не простое сочетание этих моментов, а развивающееся и свое развитие растворяющее и в этом движении просто сохраняющееся целое.

[3. “Я” и в о ж д е л е н и е.] – Когда мы исходим из первого непосредственного единства, пройдя через моменты формообразования и процесса к единству этих обоих моментов и тем самым снова возвращаясь к первой простой субстанции, [мы видим, что] это *рефлектированное единство* уже не такое, как первое. По сравнению с первым непо-

средственным единством или единством, провозглашенным как *бытие*, это второе единство есть *всеобщее* единство, которое имеет внутри себя все эти моменты как снятые. Это единство есть *простой род*, который в движении самой жизни не *существует для себя в качестве* этого *простого*, а в этом *результате* жизнь указывает на некоторое “иное”, нежели она, а именно на сознание, для которого она есть в качестве этого единства или в качестве рода.

Но эта иная жизнь, для которой *род* есть как таковой и которая для себя самой есть род, [т.е.] *самосознание*, есть для себя прежде всего лишь в качестве этой простой сущности и имеет предметом себя как *чистое “я”*; в опыте самосознания, который теперь подлежит рассмотрению, этот абстрактный предмет обогатится для него и получит то раскрытие, которое мы видели в жизни.

Только будучи *негативной сущностью* оформленных самостоятельных моментов, простое “я” есть тот род или то простое всеобщее, для которого различия не есть различия; и самосознание поэтому достоверно знает себя само только благодаря снятию того другого, которое проявляется для него как самостоятельная жизнь; оно есть *вожделение*. Удостоверившись в ничтожности этого другого, оно устанавливает *для себя* эту ничтожность как его истину, уничтожает самостоятельный предмет и сообщает себе этим достоверность для себя самого в качестве *истинной* достоверности как таковой, которая для него самого возникла *предметным образом*.

Но в этом удовлетворении оно узнает на опыте самостоятельность своего предмета. Вожделение и достигнутая в его удовлетворении достоверность себя самого обусловлены предметом, ибо она есть благодаря снятию этого другого; чтобы это снятие могло состояться, должно быть это другое. Самосознание, следовательно, не в состоянии снять предмет своим негативным отношением; поэтому, напротив, оно вновь его порождает, точно так же, как и вожделение. На деле сущность вождления есть нечто иное, нежели самосознание; и благодаря этому опыту эта истина обнаружилась ему самому. Но в то же время оно точно так же абсолютно есть для себя и притом только благодаря снятию предмета, и в этом оно должно найти себе удовлетворение, ибо это – истина. В силу самостоятельности предмета оно может достигнуть удовлетворения лишь тогда, когда сам предмет в себе осуществляет негацию; и он должен осуществить в себе эту негацию самого себя, ибо он *в себе* есть негативное и должен быть для другого тем, что он есть. Так как он есть негация в себе самом и потому в то же время самостоятелен, он есть сознание. В жизни, которая есть предмет вождления, *негация* либо присуща *некоторому “иному”*, а именно вождлению, либо она есть в качестве *определенности* по отношению к другому безразличному образованию, либо в качестве *неорганической общей природы* жизни. Но эта общая самостоятельная природа, которой негация присуща как абсолютная, есть род как таковой или как *самосознание*. *Самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании.*

Понятие самосознания завершено только в следующих трех моментах: а) чистое неразличенное “я” есть его первый непосредственный предмет. б) Но сама эта непосредственность есть абсолютное опосредствование, она есть лишь в качестве снятия самостоятельного предмета, или: она есть вожделение. Удовлетворение вожделения есть, правда, рефлексия самосознания в себя самого или достоверность, ставшая истиной. в) Но истина достоверности, напротив, есть удвоенная рефлексия, удвоение самосознания. Самосознание есть предмет для сознания, который в себе самом устанавливает свое инобытие или различие как ничтожное различие и который в этом самостоятелен. Различенное, только *живое* образование снимает, конечно, в процессе самой жизни и свою самостоятельность, но вместе со своим различием оно перестает быть тем, что оно есть; но предмет самосознания точно так же самостоятелен в этой негативности себя самого; и тем самым он есть для себя самого род, общая текучесть в своеобразии своего обособления; он есть живое самосознание.

Самосознание есть для самосознания. Лишь благодаря этому оно в самом деле есть, ибо лишь в этом обнаруживается для него единство его самого в его инобытии; “я”, которое есть предмет его понятия, на деле не есть *предмет*; предмет же вожделения существует только *самостоятельно*, ибо он есть всеобщая неуничтожимая субстанция, текучая себе самой равная сущность. Когда самосознание есть предмет, то последний в одинаковой мере есть “я” и предмет. – Тем самым для нас уже имеется налицо понятие *духа*. То, что в дальнейшем приобретает сознание, есть опыт, показывающий, что есть дух, эта абсолютная субстанция, которая в совершенной свободе и самостоятельности своей противоположности, т.е. различных для себя сущих самосознаний, есть единство их: “я”, которое есть “мы”, и “мы”, которое есть “я”. Лишь в самосознании как понятии духа – поворотный пункт сознания, где оно из красочной видимости чувственного посястороннего и из пустой тьмы сверхчувственного потустороннего вступает в духовный дневной свет настоящего.

А. САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ САМОСОЗНАНИЯ; ГОСПОДСТВО И РАБСТВО

Самосознание есть *в себе и для себя* потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т.е. оно есть только как нечто признанное. Понятие этого его единства в его удвоении, бесконечности, реализующейся в самосознании, есть многостороннее и многозначное переплетение, так что, с одной стороны, моменты этого единства надо точно отделять друг от друга, а с другой стороны, в этом различении в то же время надо принимать и признавать эти моменты и не различенными, или принимать и признавать их всегда в их противоположном значении. Эта двусмысленность различенного заключается в самой сущности самосознания, состоящей в том, что оно бесконечно